

ДЕЖАВЮ

DÉJÀ VU

РИГОВОЛТНД

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

АНТОЛОГИЯ

Дежавю

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1-1(082)
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я43

Антология

Дежавю / Антология — «Алетейя», 2018 — (Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-907030-32-9

Мотивы дежавю в творчестве современных авторов как попытка осмысления устройства всего мироздания, его глобальных перемен, социально-исторических процессов, а также перспектив развития личности и процессов творчества. Дежавю пришло в русский язык из французского (Déjà Vu) и переводится как «уже виденное». В научный мир психологии его ввел французский психолог Эмиль Буарак (1851–1917), и с тех пор оно стало настойчиво проникать не только в мировую медицинскую или научную терминологию, но и во все сферы творчества художников, писателей и поэтов. Магическое очарование красивого, загадочного слова и стоящего за ним четкого, но столь многогранного понятия не оставило равнодушными и русских авторов, подхвативших традицию. Все чаще в словаре русских современных писателей и поэтов стали появляться слово дежавю и связанные с ним образы, фантазии и сюжеты, бесспорно обогатившие все жанры лирики и прозы. В данной антологии собраны стихи и образцы малой прозы наших современников – поэтов и писателей, бывших соотечественников, разбросанных по всему свету, но продолжающих писать на русском языке.

УДК 821.161.1-1(082)
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я43

ISBN 978-5-907030-32-9

© Антология, 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Магия дежавю	8
Александр ГОРОДНИЦКИЙ / Москва /	12
«Шестидесятникам теперь за шестьдесят...»	13
«Синдром Хемингуэя»	14
Дон-Кихот	15
Родство по слову	16
Корпово	17
«Фотографии старые блекнут с годами...»	18
«В последний раз обнять друг друга...»	19
Вероника ДОЛИНА / Москва /	20
Под этим небом	21
«Под этим небом – разве соберешь...»	21
«Под этим небом – соберу слова...»	21
«Под этим небом, бархатным, густым...»	22
«Потихоньку – полегоньку...»	22
«Так слепо, так ненаблюдательно...»	23
«Ни довериться помощи...»	23
«О чем там дети тайно шепчутся...»	23
Мих. АНИЩЕНКО-ШЕЛЕХМЕТСКИЙ	25
Я воду ношу	26
Офелия	27
«Не напрасно дорога по свету металась...»	28
Бегство	29
Токаревой Анне	30
Пророк	31
Песочные часы	32
«Слова забываю. И путаю числа...»	33
«Боже правый! Пропадаю...»	34
«Вера – не вера, и слава – не слава...»	35
«Боль запоздалая. Совесть невнятная...»	36
«В тот день, когда прощальный август...»	37
Римма ЗАПЕСОЦКАЯ / Лейпциг /	38
Избранные сны	39
Бахыт КЕНЖЕЕВ / Нью-Йорк /	42
«Всякая вещь на свете есть рукописный знак...»	43
«Тлеет время золотое...»	44
«как много знает вариантов...»	45
«Дыши глубоко. Постарайся заснуть...»	46
«Когда бы знали чернокнижники...»	47
«Ты помнишь морозный узор на стекле...»	48
«Хочется спать, как хочется жить...»	49
Инна ИОХВИДОВИЧ / Штутгарт /	50
Встреча	51
Виталий АМУРСКИЙ / Париж /	55
«Не о безумной Северной Корее...»	56
«Когда дверь в чьей-то хате вышиблена...»	57

Памяти Германа Плисецкого	58
1. Трубная площадь	58
2. На полях книги «От Омара Хайяма до Экклезиаста»	59
Кунцевская ель, Или как однажды с друзьями я побывал у «второй дачи» Сталина	60
По поводу открытия памятника Ивану Четвертому в Орле	61
Будапештский блокнот	62
Будапешт	62
Гостиница «Леонардо», № 548	62
Размышления на скамейке в районе улицы Ваци	62
Под сводами базилики	63
Меченые годы	64
Безутешная музыка	64
Владимир ЗАГРЕБА / Париж /	66
Летающий верблюд	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Татьяна Ивлева

Дежавю. Антология

- © Коллектив авторов, 2018
- © Т. Ивлева, составление, 2018
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018
- © Издательство «Каяла» (Киев), 2018

* * *

Магия дежавю

Слово «дежавю» пришло в русский язык из французского – *Déjà Vu* – и переводится как «уже виденное». Во французском языке оно обозначено двумя словами, в русском же утвердилось слитное написание. По одной версии – приписывается Наполеону, по другой – французскому философу и психологу Эмилю Буараку (*Emile Voiras*, 1851–1917). Последний ввёл это понятие в научный мир психологии. С тех пор оно стало настойчиво проникать не только в мировую медицинскую и научную терминологию, но также в интеллектуальные и творческие сферы – в мир литературы и искусства. Ответу на вопрос: «Что такое дежавю?» посвящены книги, статьи, научные исследования. Великий швейцарский психолог и философ Карл Густав Юнг был убежден в том, что живет параллельной жизнью и отчасти пребывает в XVIII веке, о чём он написал в книге «Воспоминания. Сновидения. Размышления». В этом труде Юнг делится с читателями своими воспоминаниями, объективно анализируя собственный жизненный и творческий путь. Случаи дежавю описывали Джек Лондон, Конан Дойл, Клиффорд Саймак («Заповедник гоблинов»), Марсель Пруст («В поисках утраченного времени»). В сонете № 123 (перевод С. Маршака) Шекспир восклицает:

«Не хвастай, время, властью надо мной.
Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь, не блещут новизной
Они – перелицовка старины».

Уже в XIX веке дежавю не раз упоминается в литературных произведениях Диккенса, Шатобриана, Бодлера. Оно напоминает сновидение, которое, как только мы просыпаемся, ускользает, оставляя лишь смутные воспоминания. Как в волшебной прозе Габриеля Гарсия Маркеса («Глаза голубой собаки»):

«Она пристально смотрела на меня, а я все не мог понять, где прежде видел эту девушку. Ее влажный тревожный взгляд заблестел в неровном свете керосиновой лампы, и я вспомнил – мне каждую ночь снится эта комната и лампа, и каждую ночь я встречаю здесь девушку с тревожными глазами. Да-да, именно ее я вижу каждый раз, переступая зыбкую грань сновидений, грань яви и сна. Я отыскал сигареты и закурил, откинувшись на спинку стула и балансируя на его задних ножках, – терпкий кислотный дым заструился кольцами. Мы молчали. Я – покачиваясь на стуле, она – грея тонкие белые пальцы над стеклянным колпаком лампы. Тени дрожали на ее веках. Мне показалось, я должен что-то сказать, и я произнес наугад: “Глаза голубой собаки”, – и она отозвалась печально: “Да. Теперь мы никогда этого не забудем”».

К этой магнетической теме неоднократно обращался и кинематограф: «Дежавю» (2006). Режиссер Тони Скотт. (В ролях Дензел Вашингтон и Вэл Килмер). Содержание: агент ФБР открывает, что ощущение дежавю – ценный инструмент в поиске преступников. «День сурка» (1993). Режиссер Гарольд Рамис. (В ролях: Энди Макдауэлл, Билл Мюррей.) Ставшая культовой история о том, как журналист вынужден бесконечно проживать один и тот же день. Просыпаясь, он попадает в один и тот же день, с удивлением обнаруживая, что ничего не меняется ни в комнате, ни в пейзаже за окном. И каким бы образом он ни пытался изменить ситуацию, этот день повторялся снова и снова. На сюжетах переживания героями ситуаций дежавю построены почти все фильмы Андрея Тарковского, например, «Солярис» (по одноимённому

роману Станислава Лема). Герои фильма, находясь на борту научно-исследовательской космической станции, встречаются двойников тех людей, которым в прошлом они причинили боль или страдание, и заново переживают знакомую ситуацию, пытаясь исправить свои ошибки.

Магическое очарование красивого, загадочного слова и стоящего за ним ясного и одновременно столь многогранного понятия не оставило равнодушными и русских поэтов и писателей, подхвативших традицию. Всё чаще в лексиконе русских современных авторов стало появляться это магическое слово – дежавю – и, соответственно, связанные с ним образы, фантазии и сюжеты, бесспорно, обогатившие все жанры современной русской лирики и прозы. Дежавю – тайное послание души? Дежавю – духовный маяк, мерцающий в океане жизни? Дежавю – сны о прошлом или предсказание будущего? Каждого из нас хоть раз в жизни охватывало внезапное и странное ощущение... Мы знаем наверняка: то, что сейчас происходит, происходит впервые. Но вдруг осознаем, что однажды это уже с нами случилось: мы уже были здесь, говорили с этими же людьми, слышали в ответ те же слова, вдыхали те же запахи, так же падал снег... дождь... лампы свет... Настоящее будто бы встретилось с прошлым...

Римма Запесоцкая:

«В этой квартире было много народу. Я, сидя на диване, наблюдала, как люди из органов проводили обыск, внешне спокойно беседовала с окружающими, а потом вдруг сказала: “Только не говорите об этом моей маме”. Вот такой кафкианский сюжет; и каждый раз после переживания этой абсурдной реальности я просыпалась с ощущением, что ледяной обруч сжимает сердце».

Инна Иохвидович:

«А она смотрела на него и насмотреться не могла, и поверить не могла, что судьба вновь столкнула их. И это уж случайностью быть не могло, вправду – суженого на коне не объедешь».

«Никому не снится то, что его не касается», – сказал

Герман Гессе. И был прав. Тайна феномена дежавю, пожалуй, заключается именно в повторении переживаний, ситуаций, обстоятельств места и времени в рамках текущей нашей жизни и круговорота наших судеб. Таким образом, таинственное и загадочное явление дежавю, вне всяких сомнений, имеет прямое отношение ко всему тому, что происходит с нами в реальности, в каждодневной действительности.

Виталий Амурский:

«А я, подспудной памятью ведомый,
Здесь словно погружаюсь в прошлый век...»

Бахыт Кенжеев:

«Ты помнишь морозный узор на стекле
в подвальном гнезде, в молодом феврале
и солнце, и рамы двойные?»

Итак, можно сказать, дежавю – это тайные знаки судьбы, которые художники и поэты умеют не только читать, но и расшифровывать в своих произведениях. Иллюстрация обложки данной антологии также подчёркивает возможное предположение: в дизайне обложки использована картина «Судьба» (1900) английского художника-прерафаэлиты Джона Уильяма Уотерхауса (John William Waterhouse. 1849–1917). Попытка расшифровать и осознать знаки судьбы прослеживается у всех писателей и поэтов, в том числе и у принявших участие в этом сборнике.

Бахыт Кенжеев:

«Всякая вещь на свете есть рукописный знак
препинания, а вернее – озимый знак».

Михаил Анищенко-Шелехметский:

«И смотрит Господь удивлённо и строго,
И знает, зачем я живу на Земле».

Но всё же, что за феномен это мистическое дежавю —
ошибка человеческого (под)сознания или тайное послание души? Отчего оно так притя-
гивает и будоражит наши умы? Точного ответа никто не может дать – ни психологи, ни худож-
ники, ни поэты и писатели.

Сергей Ильин:

«В общем, сказать можно только одно:
истину знать никому не дано».

Все попытки объяснить это загадочное явление строятся на догадках, наитии, фантазиях.
Одно лишь можно точно сказать – оно никого не оставляет равнодушным, и оно, обра-
щаясь к прошлому, отражает моменты современной действительности.

Мария Савкина:

«Убегу
за тысячи лет отсюда,
чтобы вспомнить...»

А может, дежавю – это феномен восприятия? Он возникает как электрический импульс в
(под)сознании человека – реакция на новую ситуацию, которая кажется знакомой до мелочей.

Генриетта Ляховицкая:

«...корреспонденты, вспышки, блицы,
сомнительные интервью...
Порою, думаешь – всё снится,
и кажется – что дежавю».

Борис Марковский:

«Всё как тогда – сажусь в пустой вагон,
не торопясь талончик отрываю,
гляжу на двух задумчивых ворон
и жизнь свою зачем-то вспоминаю».

Леонид Блюмкин:

«Я там жил когда-то, давным-давно,
Только тень и помнит моё окно».

Глубоко эмоциональное переживание, дежавю, несомненно, даёт простор для размышлений о смысле бытия и поисков ответов на «вечные вопросы». Казалось бы, это просто длящееся несколько секунд состояние, происходящее в самых рядовых ситуациях и затем бесследно исчезающее. Но какими должны быть глубина и смысл явления, чтобы оно так волновало человечество?

Валерий Рыльцов:

«Кто вошёл в Гераклитову реку,
Тот до устья останется в ней».

Под его волшебным воздействием возникает предвкушение чуда, иллюзия ясновидения, которая позволяет, обманув время, увидеть будущее или снова пережить прошлое. Вот что писал по этому поводу Зигмунд Фрейд: «Мои собственные переживания ощущений “дежавю” я могу объяснить сходным образом – воскрешением бессознательного желания улучшить мое положение».

Михаил Фокс:

«И если в первой жизни всё печально,
Надеюсь, будет лучше во второй».

Сергей Сутулов-Катеринич:

«Верю и знаю: разлука – иллюзия.
Сызнава встретившись, мы не расстанемся...»

А спустя несколько секунд все исчезает: прошлое вновь становится известным, настоящее – новым, а будущее, как обычно, неведомым... Марсель Пруст трактовал дежавю – это «сверкающее и неразличимое видение» – как попытку утешения: «Поймай меня на лету, если достанет сил, и попробуй разрешить загадку счастья, которое я предлагаю тебе». Иными словами, дежавю – это напоминание о наших тайных фантазиях, сигнал о том, что мы соприкасаемся с чем-то желанным и одновременно запретным. Дежавю – это яркое переживание, не похожее ни на какое другое. Напоминает волшебство, нечто необычное, происходящее с нами в самых, казалось бы, рядовых условиях. Оно многогранно, непостижимо, интимно и чувственно. И оно дарит нам весь спектр эмоций, чувств и переживаний: удивление, любопытство, тревогу, порой страх и печаль, но чаще даёт надежду – радует, вдохновляет и окрыляет. Мгновения, похожие на сон.

«Принять весь мир и всё понять мгновенно,
Что было, есть и станет потом...
Открыться мирозданию вдохновенно
И ощутить его как отчий дом».

Татьяна Ивлева
25 января 2018 – Эссен

Александр ГОРОДНИЦКИЙ / Москва /

Родился 20 марта 1933 г. в Ленинграде в семье служащих. Пережил блокаду. В 1951 г. окончил с золотой медалью 236 среднюю школу г. Ленинграда (ранее учился в 254 школе). В том же году поступил на геофизический факультет Ленинградского горного института им. Г.В. Плеханова, который окончил в 1957 г. по специальности «геофизика». Основная профессия – геофизик. Поэт Александр Городницкий – автор более 30 книг стихов, песен и мемуарной прозы и нескольких десятков дисков с авторскими песнями. Он член Союза писателей России (1972), Международного пен-клуба (1988), член Союза московских писателей и Международного Союза писателей-маринистов, президент Ассоциации российских бардов, лауреат Царскосельской художественной премии (1998) и национальной общественной премии «Благодарность» (2005), первый лауреат Государственной премии имени Булата Окуджавы (1999). Стихи и песни Александра Городницкого переведены на языки многих народов мира, включены в школьные программы. Его творчеству посвящены многочисленные статьи, кандидатские и докторские диссертации. Именем Александра Городницкого названы малая планета Солнечной системы и горный перевал в Саянах. В 2004 г. снялся в художественном фильме «Экстренное торможение» (реж. А. Борисоглебский, ООО «Русское ТелеВидео»). Автор и ведущий научно-популярных программ на ТВ «Культура» – «Атланты в поисках истины».

«Шестидесятникам теперь за шестьдесят...»

Шестидесятникам теперь за шестьдесят.
Бранит их всякий «мальчикам в забаву».
Пора оставить хрупкую их славу,
Что расцветала тридцать лет назад,

Когда победно гроыхала медь,
Империя не ощущала крена,
И шла на гладиаторов глазеть
Гудящая спортивная арена.
Все началось совсем в другие дни,
И, видимо, не в них первооснова.
Недолговечным оказалось слово,
Которое придумали они.
Пошли на суп лавровые венки,
Им не понять, беспомощным и старым,
За что их обличают смельчаки,
Свободу получившие задаром.
А я другие вижу времена,
Где молодость моя, и над Москвою
Негромкая гитарная струна
Звонит освобожденной тетивой.

1996

«Синдром Хемингуэя»

Популярна давно невеселая эта затея,
Что теперь называют «синдромом Хемингуэя», —
Только дуло винчестера сунь понадежнее в рот
И вперед.

Смит и Вессон, и Браунинг, – в этой навязчивой теме,
Как потом выясняется, дело отнюдь не в системе, —
И веревка годится, особенно если спяна.
Можно также использовать в случае интереса
Пистолеты системы Мартынова или Дантеса
(Есть и менее, впрочем, известные имена).

...Он охоту любил, на кулак и на выпивку скорый,
Мичиган переплыл и азартно выкрикивал: «Торо!»,
Карандаш лишь цenia и дешевой бумаги клочок.
Был везде он удачлив, – в любви, на войне и в футболе.
Что его побудило, забыв о присутствии Бога,
Укрепить аккуратно точеный приклад у порога
И босою ногою нащупать холодный крючок?

Где начало берет это чувство сосущее боли,
Неподвластной наркозу,
Неопознанный ген, неожиданно всплывший в крови?
...И уже совершенно неважно – стихи или проза,
Океан за окном или чахлая эта береза, —
Важно лишь не остаться с собою самим визави.

1996

Дон-Кихот

Дон-Кихот благороден. И все же – смертельно опасен
В постоянном стремлении зло корчевать на Земле.
Он стремительно скачет, за ним не поспеть Санчо Пансе
На домашнем приземистом, коротконогом осле.

У дороги в садах наливаются соком маслины,
Глаз ласкает вокруг незатейливый сельский уют.
Мир навстречу плывет меж ушей треугольных ослиных.
В нем леса зеленеют, и яркие птицы поют.

Но в багровую тучу окрестности мирные канут,
Если волю дадим подозрительным чувствам своим.

Встанут мельницы в ряд – угрожающий ряд великанов,
Атакующим змеем летящий окажется дым.

Дон-Кихот старомоден, и все же сегодня опасен.
Нам доспехи его и заржавленный меч – ни к чему.
Все он ищет врагов меж полей, перелесков и пасек,
Черный дым подозрений глаза застилает ему.

Стали нравы другими, и время сегодня иное,
Нет волшебников больше, и время драконов прошло,
Но, копьём потрясая, вторгается в мир паранойя,
Сея страх и вражду, и добро обращая во зло.

1989

Родство по слову

Неторопливо истина простая
В реке времен нащупывает брод:
Родство по крови образует стаю,
Родство по слову – создает народ.
Не для того ли смертных поражая
Непостижимой мудростью своей,
Бог Моисею передал скрижали,
Людей отъединяя от зверей?
А стае не нужны законы Бога, —
Она живет заветам вопреки.
Здесь ценятся в сознании убогом
Лишь цепкий нюх да острые клыки.
Своим происхождением, не скрою,
Горжусь и я, родителей любя,

Но если слово разойдется с кровью,
Я слово выбираю для себя.
И не отыщешь выхода иного,
Как самому себе ни прекословь, —
Родство по слову порождает слово,
Родство по крови – порождает кровь.

1999

Корпово

Наши деды стреляли друг в друга на этой земле,
Где ржавеют сегодня остатки солдатских жетонов.
Над могилами их только ветры осенние стонут,
Да морозные вьюги снегами шуршат в феврале.
Наши деды, увы, были в судьбах своих не вольны.
Мне хотелось бы верить, что время наступит иное,
Где над Русской землей, над Германией и над Чечнею
Не займется пожар бесполезной и горькой войны.

В память всех убиенных горит под иконой свеча,
А гостей, как ведется, встречаем мы хлебом и солью.
Общей памятью все мы едины и общею болью,
Наша дружба надежна, и наша любовь горяча.
Протяни же мне руку, далекий неведомый друг,
Чтобы дымом пожаров не вспыхивать яркому лету,
Чтобы больше ни разу зеленую нашу планету
Не опутывал свастики черно-кровавый паук.

Так давайте дружить, чтобы больше ни разу опять
Не топтали пшеницу соляркой пропахшие танки,

Чтобы внукам потом безымянные наши останки
Не пришлось бы в полях, начиненных железом, искать.
Так давайте дружить, чтобы в будущих новых веках
На земле новгородской, обители тихой печали,
Не команды чужие и хриплые стоны звучали,
А звучали бы общие песни на двух языках.

2001

«Фотографии старые блекнут с годами...»

Фотографии старые блекнут с годами.
Я бы рад показать их, – да только кому?
Это бухта Нагаевская в Магадане,
Это практика летняя в южном Крыму.

В проявителе времени тонут, нестойки,
Милovidные лица далеких подруг.
Вот наш класс выпускной перед школой на Мойке,
Вот я сам, в батискафе откинувший люк.

Для чего, покоряясь навязчивой моде,
В объектив я ловил уходящую даль?
Фотоснимки и слайды дымятся в комодке.
Их бы выбросить надо, а все-таки жаль.

Проржавели суда, и закаты потухли,
Поразбредся и вымер смеющийся люд.
Это выкинут все, как ненужную рухлядь,
Новоселы, что в комнату после придут.

Но пока еще лампы медовые нити
Сохраняют накал, занавесив окно,

Я листаю альбомы, единственный зритель,
И смотрю своей жизни немое кино.

1996

«В последний раз обнять друг друга...»

В последний раз обнять друг друга,
Пока безумна и слепа,
Невычислимая, как вьюга,
Кружит по улицам толпа.
О, эта грозная минута, —
Плотины гниlostной итог,
Когда вода вскипает круто,
И превращается в поток!
И водопад, подобно зверю,
Рокочет, пеною одет,
И на летящий рядом берег
Уже не выберешься, нет.
Прислушайся к ночному гуду, —
Надеяться – напрасный труд,
Что нас с тобою позабудут,
Что к нам с тобою не придут.
Как в воздухе окрестном душно,
Как время вязкое течет!
Наш дом не крепость, а ловушка,
Поставленная на учет,
Где, вылететь готово разом,
Дрожит оконное стекло,
И телевизор, как циклоп,
Нас ловит напряженным глазом.

1990

Вероника ДОЛИНА / Москва /

Родилась 2 января 1956 года в Москве. Отец – авиаконструктор Аркадий Яковлевич Фишер, мать – врач Людмила Александровна Долина. Окончила французскую спецшколу и музыкальную школу. В 1979 году окончила Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, получив профессию учителя французского языка. Некоторое время работала в библиотеке, затем – в редакции специализированного журнала. С 1971 года Долина начала писать песни и исполнять их, аккомпанируя себе на шестиструнной гитаре. В 1986 году у нее выходит первый диск, вскоре – второй (тираж более 1 млн.). В 1987 году она становится членом Комитета московских драматургов. В том же году у нее в Париже выходит первый сборник стихов. В 1989 году фирма «Мелодия» издала компакт-диск Вероники Долиной «Элитарные штучки». На сегодняшний день у Долиной выпущено более 10 сборников стихов, 9 виниловых дисков, более 20 компакт-дисков. В 2005 году ей была присуждена литературная премия «Венец».

Под этим небом (Стихи 2015)

«Под этим небом – разве соберешь...»

Под этим небом – разве соберешь
Слова, слова... И вдохи, вдохи, вдохи
Без выдоха. И слезоньки утрешь
Себе самой, и людям, и эпохе.

Так я сказала. Море предо мной
Сиять – сияло. И катить – катило.
Но все же небо – куполом, стеной —
Оно меня особенно смутило.
А прежде где же все же я была?
В какой пробирке на стеклянной полке...
Из глубины какого же села
Вдыхала я тот кофе в кофемолке.
А это не питье и аромат.
Да ты сама меняешь свой формат.
Так только тут. Берут твое, иное —
И бинт, и жгут, и небо прописное.

«Под этим небом – собираю слова...»

Под этим небом – собираю слова.
Хоть руки между раковин согрею.
Ни мясо и ни рыба – но жива,
Последняя кружится голова,
Не розовею, но и не серею.
Под этим небом – камни и цветы.
Я острых и подводных – не замечу.
Переполох в отделе простоты.
Переворот в разделе немоты.
И я сама с собой назначу встречу.
Преодолев растерянность одну,
Я ко второй придвинусь инстинктивно.
Вот голосок застенчиво дрожит.
Пиноккио по улице бежит,
Поколотив беднягу Буратино.

«Под этим небом, бархатным, густым...»

Под этим небом, бархатным, густым, —
Сижу я с телефончиком простым,
Сижу себе, пишу себе о чуде.
Я только что увидела друзей.
Там были все – кокетка, ротозей.
Удачник, неудачник... Были люди.
Они все обнимались невзначай.
И отменялись горе и
Печаль.
И о лекарствах – там не толковали.
Немного пели детским голоском...
И, в общем, говорили языком
Сердечным.
А другому не давали
И шевельнуться, господи прости.
Ну, то есть, – очень тихо «не грусти»
Там бормотали, даже без испуга.
И небо нависало над горой,
Как голова склоняется порой —
К плечу, к плечу стареющего друга.

«Потихоньку – полегоньку...»

Потихоньку – полегоньку
Не хочу тебя будить.
Книжку отложу в сторонку.
Дочитаю, может быть,
Там, на берегу толковом,
С бестолковым словарем,

Как ты стал тяжел и скован...
Помолчим – да и умрем.
Может, это временное.
Перемены-возраст-боль.
Но боюсь, что именно.
Наше именно с тобой.
И ведь, как бы ни боялась,
Дочитаю и добыюсь.
Я лет десять не смеялась.
Ничего себе! Смеюсь...

«Так слепо, так ненаблюдательно...»

Так слепо, так ненаблюдательно,
Москва, ты смотришь в темноту.
Хотелось бы законодательно
Открытость, детскость, простоту
Тебе вменить. И тонкой прописью,
Предписывать, как педиатр:
Не плакать, не стоять над пропастью,
А только небольшой театр
Открыть сейчас же в каждой мыльнице,
Где нет парковки и врача,
Но грозно ссорятся и мирятся
Палач и дети палача.
И послеоперационная
Пройдет бессменная вражда.
И загорится пенсионная
Полувоенная звезда.

«Ни довериться помощи...»

Ни довериться помощи,
Ни дожидаться уже.
Сколько почты заоблачной
На моем этаже.
Ни дружка сокровенного.
Ни морщинки во лбу.
Ни толчка внутривенного,
Это тоже табу.
Ни блокнот и ни книжица.
Ни в метро, ни пешком.
А вот почта приблизится —
С голубком, с голубком.

«О чем там дети тайно шепчутся...»

О чем там дети тайно шепчутся,
Не поднимая тихих глаз?
Три нити маминого жемчуга
Мне стали в самый-самый раз.
Да, небогатого, некрупного.
Немного в свечке киловатт...
Для горла птичьего, для хрупкого —

Он был всегда великоват.
Ходила с сумками ненужными,
А ведь могла еще парить...
Нескоро бусами жемчужными
Смогла я маму одарить.
Пока же радостями женскими —
Кристалл и нитка, свет, тепло.

Да вот с застежками богемскими
Чехословацкое стекло.
Ах, бусы новенькие, честные.
И каждый получал свое,
Все, чем одаривала Чехия, —
Шарфы, перчатки и белье.
Теперь смотрю – другая женщина
Там, у окна, – в свой темный час.
Три нити маминого жемчуга
Ей стали в самый-самый раз.

Мих. АНИЩЕНКО-ШЕЛЕХМЕТСКИЙ

24 ноября в Самаре от сердечного приступа, в возрасте 63 лет, скончался замечательный русский поэт и прозаик, член Союза писателей России, лауреат им. Николая Островского, Михаил Анищенко. Его имя ставят в одном ряду с именами Сергея Есенина, Николая Рубцова, Юрия Кузнецова... Последний был его «крестным отцом» в литературе. Михаил Анищенко был известен не только своими стихами, собранными в сборники «Оберег», «Поющая половица» и другие, но и как автор романов и биографического исследования о жизни Вильяма Шекспира «Открылась бездна звезд полна». Михаил Всеволодович Анищенко родился в 1950 году в Куйбышеве. Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, журналистом. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Первая книга стихов «Что за горами» вышла в 1979 году. Затем появились «Не ровен час» (1989), «Ласточкино поле» (1990), «Оберег» (2008) и др. Лауреат Всесоюзной премии им. Николая Островского (1980), премия журнала «НС» (2000), по данным «Биографии. ру». По мнению председателя правления Самарского областного отделения Союза писателей России Александра Громова, уход Михаила Анищенко из жизни – большая потеря для русской литературы, «масштаб которой мы еще не осознали».

Я воду ношу

Я воду ношу, раздвигая сугробы.
Мне воду носить все трудней и трудней.
Но, как бы ни стало и ни было что бы,
Я буду носить ее милой моей.

Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные ведра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.
Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу – до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.
А дальше – вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе,
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...
Но это еще не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивленно и строго
И знает, зачем я живу на Земле.

Офелия

С красными рыбами, с феями,
Через кувшинки и лед
Грустно и тихо Офелия
В облаке белом плывет.

Давних времен отторжение
Тает в глубинах Реки;
В небе ее отражение
Ласточек кормит с руки.

Боль повторяется заново,
Светится куст белены...

Все, от Рембо до Иванова,
Были в нее влюблены.

Так и стоят под рябиною,
В воду макают перо...
Будто бы над Коломбиною
Блоковский плачет Пьеро.

Вот она – чистая, верная...
А в глубину – посмотри! —
Это ведь кукла фанерная,
С клюквенным соком внутри.

Вот она снова – за плавнями...
Что ты заплакал, поэт?
Люди живые не плавают
В реках по тысяче лет.

Пусть уплывает из памяти,
Русая девочка – Во! —
Не увидавшая в Гамлете,
Кроме себя, – ничего!

«Не напрасно дорога по свету металась...»

Не напрасно дорога по свету металась,
Неразгаданной тайною душу маня...
Ни врагов, ни друзей на земле не осталось...
Ничего! никого! – кто бы вспомнил меня!

Я пытался хвататься за тень и за отзвук,
Я прошел этот мир от креста до гурта...

В беспросветных людей я входил, словно воздух,
И назад вырывался, как пар изо рта.

Переполненный зал... Приближение развязки...
Запах клея, бумаги и хохот гвоздей...
Никого на земле! Только слепки и маски,
Только точные копии с мертвых людей.

Только горькая суть рокового подлога
И безумная вера – от мира сего.
Подменили мне Русь, подменили мне Бога,
Подменили мне мать и меня самого.

Никого на земле... Лишь одни квартиры...
Только чуткая дрожь бесконечных сетей...
И глядят на меня из огня староверы,
Прижимая к груди нерожденных детей.

Бегство

Пробираюсь к ночному Бресту,
по болотам в былое бреду,
Потерял я свою невесту в девятьсот роковом году.

Я меняю лицо и походку, давний воздух вдыхаю вольно.
Вижу речку и старую лодку, вижу дом на окраине. Но...

Полыхнуло огнем по детству, полетел с головы картуз.
Я убит при попытке к бегству... Из России —
в Советский Союз.

Токаревой Анне

Деревня. Холод, Вурдалаки. И взгляд соседа,
как супонь.
Слеза отравленной собаки тебе упала на ладонь.
Текла слюна. Кричали травы, мычал на небе Козерог...
Как умирают от отравы, не дай-то вам увидеть Бог!
Похоронили, худо ль, бедно – за огородом, на холме...
Ушли соседи незаметно, как тени двигаясь во тьме.
Потом на чуровом затоне был шум осеннего дождя;
И ночь, и ранка на ладони, была сквозной, как от гвоздя.

Пророк

Я услышал историю эту, и украсил стихами засим.
«Повстречался в пустыне поэту
окрыленный собой Серафим.

Поднял он над поэтом денницу, разливая то уксус,
то мед,
Говорил про змею и орлицу, и про ангелов горний полет.

Говорил о неведомой тайне, а потом, до скончания лет,
Растворился в осеннем тумане...
И подумал печально поэт:

«Не сказал он про смертные свечи,
про мученья последнего дня,
Хоть и бродит сейчас возле речки,
где когда-то застрелят меня»

Песочные часы

Враждебны ангелы и черти.

Не помнит устье про исток.

Из колбы жизни в колбу смерти перетекает мой песок.

Любовь и ненависть, и слезы,

мои объятья, чувства, речь,

Моя жара, мои морозы – перетекают. Не сберечь.

Сижусь на пошлой вечеринке, но вижу я, обречено,

Как больно, в этой вот песчинке,

мой август падает на дно!

Часы не ведают страданья, и каждый день,

в любую ночь —

Летят на дно мои свиданья, стихи и проза... Не помочь.

И трудно мне, с моей тоскою, поверить в нечет,

словно в чет, —

Что кто-то властной рукою часы, как мир, перевернет.

И в стародавнем анимизме, чтоб жить,

любить и умирать,

Из колбы смерти в колбу жизни песок посыплется

опять.

Опять я буду плавать в маме,

крутить по комнате волчок...

И станут ангелы чертями, и устье вспомнит про исток.

«Слова забываю. И путаю числа...»

Слова забываю. И путаю числа.
Но я понимаю – в них не было смысла.

Сгорай же в печи, заповедная книга!
Ты хуже татаро-монгольского ига!

Я понял вчера на родимом причале,
Зачем эти дали так долго молчали.

Я все понимаю легко и сурово.
Но больше ни крика. Ни стога. Ни слова.

Прощай же навеки, тетрадь со стихами.
Мой голос заблудший стихает, стихает.

И даже молитва все глуше и глуше
За милую душу. За милую душу.

«Боже правый! Пропадаю...»

Боже правый! Пропадаю!
Жизнь пускаю на распыл.
И не помню, и не знаю —
Как я жил и кем я был.
То ли был бродягой, вором,
Жалкой похотью хлюста,
То ли я, как черный ворон,
Не оплакал смерть Христа.

У прощального причала
Полыхает вечный свет!
Нет конца и нет начала,
Середины тоже нет...
И как жертвенная треба,
Я на призрачном торгу
Все расплачиваюсь с небом,
Расплатиться не могу.

«Вера – не вера, и слава – не слава...»

Вера – не вера, и слава – не слава.
Бедный рассудок ничтожней нуля.
Зеркало крестится слева направо,
Будто бы в нем отражаюсь не я.

Мечется разум во имя наживы,
Мчатся олени, кружится планктон...
Все мы захвачены танцами Шивы,
Даже когда не танцует никто.

Кто я? Зачем я весь вечер вздыхаю?
Что я увидеть пытаюсь во мгле?
Господи! Господи! Не понимаю,
Что происходит на этой земле!

«Боль запоздалая. Совесть невнятная...»

Боль запоздалая. Совесть невнятная.
Тьма над страной, но мысли темней.
Что же ты, Родина невероятная,
Переселяешься в область теней?

Не уходи, оставайся, пожалуйста,
Мерзни на холоде, мокни в дожди,
Падай и ври, притворяйся и жалуйся,
Только, пожалуйста, не уходи.

Родина милая! В страхе и ярости
Дай разобраться во всем самому...
Или и я обречен по ментальности
Камень привязывать к шее Муму?

Плещется речка, и в утреннем мареве
Прямо ко мне чей-то голос летит:
«Надо убить не собаку, а барыню,
Ваня Тургенев поймет и простит».

«В тот день, когда прощальный август...»

В тот день, когда прощальный август
Замрет на гибельной меже,
В последний раз метнется Фауст
За тем, что продано уже.

Бледнея, встанут святотатцы,
И под поземкою ворон
В последний раз вопьются пальцы
В оклады стареньких икон.

И в тот же час охватит сушу
Высоким гибельным огнем.

И мы, не продавшие душу,
Среди небес захолинем.

Во тьму тартар идут убийцы,
И тот, кто грабил без стыда,
И тот, кто мог за них молиться,
Но не молился никогда.

Римма ЗАПЕСОЦКАЯ / Лейпциг /

Родилась в городе на Неве, работала социологом, зоопсихологом, в археологических экспедициях, дворником, кочегаром, машинисткой, редактором и библиографом в Библиотеке Академии наук, редактором и корректором в различных издательствах. Ее стихи и проза печатались в ряде журналов, в сборниках и альманахах. Она автор двух стихотворных книг: «Постижение» (1994) и «Мост над пропастью» (2014) и книги прозы «Избранные сны» (2016).

Избранные сны

Третичное море

Я вполне осознаю, что свои сны рассказывать опасно – ведь они могут стать добычей психоаналитиков. И особенно подходит для этого мой подростковый сон про *Третичное море*. Я и сама могла бы попытаться объяснить его подобным образом, но не стану этого делать. Сон был ярким и красочным, и его эмоциональный фон соответствовал моему пятнадцатилетнему возрасту. Я стояла на пляже, мои босые ноги касались воды, и передо мной было беспокойное море, какого-то странного оранжевого цвета, с зелеными всплесками волн и белой пеной. И такое сильное волнение охватило вдруг меня, в унисон с волнением этого моря, невозможного в известном мне мире, что я внезапно воскликнула: «Третичное море!», и тут же поняла, что это действительно было оно, море из доисторической эпохи. И словно в доказательство откуда-то из глубин этого *Третичного* моря появилась вдруг гигантская раковина, размером с двухэтажный дом, и со свистом понеслась к берегу, прямо на меня. Я едва успела отскочить, раковина обдала меня брызгами и, как торпеда, рассекая песок, промчалась через весь пляж, а потом резко затормозила и с шипением остановилась. Я стояла между бурлящим пенящимся морем из чужого *доисторического* мира и этой раковиной, таящей в себе опасность, и не знала, что мне делать. С этим ощущением тревоги я проснулась – и до сих пор помню это сумасшедшее, невозможное, но такое подлинное *Третичное* море.

Сюжет кафкианской эпохи

Этот сюжет снился мне четыре раза, причем три раза подряд был абсолютный повтор – этакий стоп-кадр черно-белого кино, снятого как будто по рассказу Кафки. Все происходило в полном молчании (если не считать шуршания бумаги), в небольшой, похожей на камеру комнате, залитой ярким электрическим светом. Я неподвижно сидела на койке, покрытой грубым солдатским одеялом, а около квадратного стола, заваленного бумагами, и книжного шкафа рылись в документах и книгах сотрудники *органов*. Я знала, что они нашли много компромата и сейчас меня *заберут*. И в душе был лишь ужас от абсурда происходящего. Трижды включался этот кадр и обрывался на том же самом месте. Последний раз, уже в середине 80-х, этот сюжет повторился в цветном и озвученном варианте. Я поднималась по широкой лестнице, потом открывала почтовый ящик, из которого вываливались фотопленки, и вдруг понимала, что за спиной у меня стоят двое. Я со своим эскортом молча заходила в квартиру – незнакомую, огромную, с буфетами красного дерева и множеством фарфоровых фигурок, тяжелой бархатной скатертью с помпонами на большом круглом столе – словно попадала в середину 50-х годов. В этой квартире было много народу. Я, сидя на диване, наблюдала, как люди из *органов* проводили обыск, внешне спокойно беседовала с окружающими, а потом вдруг сказала: «Только не говорите об этом моей маме». Вот такой кафкианский сюжет; и каждый раз после переживания этой абсурдной реальности я просыпалась с ощущением, что ледяной обруч сжимает сердце. Так во сне проявлялся страх, который я сознательно подавляла, потому что бояться было *стыдно*. То, что сон этот на протяжении «застойных» лет так назойливо повторялся, было, конечно, неким грозным предупреждением, но вся моя натура сопротивлялась тому, чтобы «сделать выводы».

Размышления после убийства

Сон был ярким, красочным и воспринимался мною как реальность (хотя часто я знаю во сне, что это сон). Не буду пересказывать начало сна в деталях – это может отвлечь от сути. Суть же сводилась к тому, что я убила человека, причем без каких-либо смягчающих обстоятельств. И вот мне грозит неминуемое разоблачение: у всех собравшихся снимают отпечатки пальцев и по ним должны определить убийцу. Люди по очереди подходят к столу, где снимают отпечатки, и при этом переглядываются между собой (а все они друг с другом знакомы), как бы говоря: среди нас не может быть убийцы – ведь все мы порядочные люди. И я тоже переглядываюсь с другими с самым невинным видом. И при этом не испытываю ни малейших угрызений совести. Единственное, что меня тревожит, – это то, что все мои друзья и знакомые будут знать, что я обыкновенная уголовная преступница (а до этого я была уверена, что если и попаду когда-нибудь в «места отдаленные», то только по политическим мотивам). И еще мне было досадно, что я так *непрофессионально* совершила это убийство и оставила отпечатки пальцев. Ведь если бы не это – все было бы в полном порядке. Мысли о жертве, о мотивах преступления, хоть какие-то сожаления о содеянном, напоминающие раскаяние, вообще не возникали в сознании. И вот подходит моя очередь – и я делаю шаг к столу...

В этот момент я просыпаюсь и осознаю, что лежу в постели. Значит, это был только сон?! Первая острая эмоция: *какое счастье!* И сразу вслед за этим: *какой ужас!* Да, после пробуждения я испытала настоящий ужас и то острое переживание раскаяния, которое так и не пришло ко мне во сне. Я полностью осознала этот сон как реальность – реальность состояния моей души, о котором я до этого момента даже не догадывалась. Да, я считала себя порядочным человеком, во всяком случае, не хуже других. И это переживание, осознание своего преступления без раскаяния как реальности, выведение наружу глубин подсознания позволило мне остро и отчетливо осознать и пережить, что я *хуже всех*. И это острое переживание длилось ровно две недели, а потом постепенно стало ослабевать. Мне было в этот момент 33 года.

Наверное, немногие так глубоко заглядывают в свое подсознание. Возможно, их душам, которые светлее и чище моей, не грозит такой кошмар. Мне дано было заглянуть в эти глубины, осознать свое недостойство, до конца прочувствовать, в какой бездне временами находится моя душа, как глубоко и страшно может быть ее падение. Это ли не задача для духовной работы!

Как я работала премьер-министром

Сон этот приснился мне 20 марта 1998 года, в ночь на пятницу. Дату я запомнила из-за исторического, так сказать, значения этого сна и последовавших за ним событий. То, что мне снилось, было таким вроде бы нелепым, но и таким захватывающим, словно я смотрела фильм, в котором сама исполняла главную роль. Да, этот цветной сон был очень кинематографичен и состоял из четырех сцен, или картин.

Картина первая. Раздается телефонный звонок, я беру трубку, но вижу не себя, а огромный министерский стол с телефонными аппаратами и папками, за которым сидит тогдашний премьер-министр Черномырдин собственной персоной и говорит со мной по телефону. Со своей характерной интонацией он произносит, делая ударение почти на каждом слове: «Значит, так. Слушайте внимательно. Мне некогда, и вообще... я больше не могу здесь находиться, так что вам придется временно взять исполнение обязанностей премьер-министра на себя». И после этого монолога он, не дожидаясь моего ответа, положил трубку. Даже во сне я нахожу эту ситуацию очень странной и рассуждаю так: «Почему именно я? Ведь я даже не экономист, да и живу в Петербурге. Неужели в Москве никого не нашлось? Неужели больше некого назначить? – И тут же сама себе отвечаю: – Значит, больше некого». И я понимаю, что обязана выполнить возложенное на меня поручение государственной важности.

Картина вторая. Я сижу за таким же огромным министерским столом, заваленным папками и бумагами, и *исполняю обязанности премьер-министра*. К вечеру я как выжатый лимон и понимаю на собственном опыте, какая это тяжелая и ответственная работа. Я даю секретарю поручение заказать мне билет в Москву (из чего можно заключить, что обязанности премьер-министра я исполняла в Петербурге), намереваясь отказаться от такой высокой чести, потому что выполнять эту столь ответственную работу выше моих сил.

Картина третья. Я уже в Москве, стою перед министерским зданием, так называемой «высоткой», потом вижу себя в колоссальной приемной, где в центре за овальным столом с множеством телефонных аппаратов сидит пожилая секретарша. Я подхожу к ней и говорю, что я, мол, такая-то, на меня главой правительства возложено исполнение обязанностей премьер-министра, я исполняла их один день, но сейчас прошу назначить на эту должность более подходящую кандидатуру. «Минуточку, – отвечает секретарша, набирает номер, разговаривает с кем-то по телефону, а затем сообщает мне: – К сожалению, вас пока нечем заменить, так что придется вам исполнять эти обязанности еще два дня».

Картина четвертая. Я на поезде еду назад в Петербург – дальше исполнять обязанности премьер-министра. Один день, в пятницу, я уже отработала, и теперь предстояло выдержать *еще два дня*, то есть субботу и воскресенье – до понедельника, 23 марта. Эти два предстоящих дня кажутся мне вечностью, но я понимаю, что просто обязана оправдать оказанное мне доверие: ведь, как выяснилось, заменить меня пока нечем. И я была готова в такой безвыходной ситуации держать на себе страну. Надо, значит, надо! Вот такое патриотическое настроение проявилось вдруг в этом сне. Правда, последняя мысль была меркантильной. Я подумала (вероятно потому, что с трудом зарабатываю себе на жизнь): «Может, за такую тяжелую и ответственную работу мне хоть что-нибудь заплатят?» И с этой надеждой, увы, не сбывшейся, я проснулась и подумала: «Так это был сон! Ну надо же, какой бред может присниться!».

В ту же пятницу вечером, в изостудии, я рассказала, как исполняла обязанности премьер-министра; это было забавно, и мы посмеялись. В следующий раз я пришла в студию во вторник, 24 марта, и реакция окружающих была уже совсем иной. Ведь в понедельник 23 марта тайное сделалось явным: стало известно, что премьер-министр Черномырдин снят со своего поста.

Все высшие чиновники в один голос заявляли, что для них это событие государственного значения явилось полной неожиданностью, в такой тайне все решалось. Даже утром в понедельник еще не был назначен новый премьер-министр, и президент Ельцин временно взял исполнение этих обязанностей на себя. Каким же образом я уже в ночь на пятницу владела сверхсекретной информацией (хоть и не понимала этого, конечно)? Объяснение для меня очевидно: во сне душа пребывает в «свободном полете», и в ночь с четверга на пятницу, когда было принято это решение, я в так называемом *информационном поле* восприняла очень тревожный сигнал: не было подходящей кандидатуры на должность премьер-министра, что могло угрожать стабильности государства. И я психологически взяла на себя этот груз. Во всяком случае, так я это восприняла и пережила. Но самый главный вывод, который я сделала после того, как *три дня держала на себе страну*: на самом деле нет никакой секретной информации, которую нельзя было бы получить по особым каналам, не прибегая к традиционным методам всевозможных разведок. Ведь я случайно уловила эти вибрации, в силу их колоссального эмоционального заряда, а специально обученные люди с экстрасенсорными способностями наверняка могут добыть любые сверхсекретные сведения. Именно между такими особыми агентами (которые могут экранировать или исказить информацию в духовном пространстве) идет невидимая миру борьба. Но эти рассуждения уже выходят за рамки моего рассказа.

2006

Бахыт КЕНЖЕЕВ / Нью-Йорк /

Родился в г. Чимкент. Окончил химический ф-т МГУ (1973). В 1982 году переехал в Канаду, с 2006 года живет в Нью-Йорке. Работал в русской службе «Радио Канады» (1982–1988). Произведения Кенжеева переведены на английский, казахский, немецкий, французский и шведский языки. Член Русского ПЕН-центра. Премии журнала «Октябрь» (1992), Международная литературная «Русская премия» в номинации «Поэзия» за книгу стихотворений «Крепостной остывающих мест».

«Всякая вещь на свете есть рукописный знак...»

Всякая вещь на свете есть рукописный знак
препинания, а вернее – озимый знак.
Не ропща, умирает, обогащая культурный слой,
и прорастает в апреле, помучившись под землей.

Все путем, дружок. И когда ты в дурацкой злобе
сходишь с ума
от неверия, выпей браги, расслабься, мудрея
не по годам,
потому что книга есть небогатая вещь письма,
а скорбящий муж есть неграмотный молодой Адам.

Да и ты прорастаешь, безропотно голосуя «за»,
похрапываешь, обнимая жену, мой невеселый брат,
то есть стоишь навывтяжку, на мокром месте глаза,
и держишь за руку жизнь у замкнутых райских врат.

«Тлеет время золотое...»

Тлеет время золотое
(скоро-скоро догорит).
Ты ведь этого достоин! —
щит рекламный говорит.

Петь и хныкать, но без страха.
Обнищать. Из липких сот
выесть мед. А горстку праха
в чистом поле разнесет

ветер пушкинский могучий,
богатырское дитя.
Он гоняется за тучей,
подвывая и свистя,

и прощения не просит —
только с легкою тоской
в море синее уносит
пестрый мусор городской.

18 сентября 2016

«как много знает вариантов...»

как много знает вариантов
игривый ветер небытия
и дольний мир из мелких квантов
в котором царствую не я

да! поражен душевной комой
лежу пред господом нагой
меня кусает насекомый
чешуекрылый и другой
беда настали дни тугие
лежу фактически на дне
депрессия да аллергия
хворобы модные одне
лишь одноклассник дева любя
в ушанке шумной из бобра
меня поддерживает грубо
в надежде славы и добра
саксофонической трубой
чуть-чуть елозит в тишине
и димедрола зверобоя
рыча протягивает мне

25 июня 2016

«Дыши глубоко. Постарайся заснуть...»

Дыши глубоко. Постарайся заснуть.
Прими анальгина. Попей
водички. А хочешь горчичник на грудь?
Оно помогает, ей-ей.

И это прейдет, и обида пройдет,
и мы беззащитны, когда
сквозь трещины времени ночь напролет
сочится живая вода.

Пастуший рожок. Неподбитый итог.
Звените, кимвалы, пока
мужает, цветет, увядает росток
задумчивого тростника,

и боязно, милая, если умру,
забыть этот свет дорогой,
где лепет любовный шуршал на ветру,
серебряной, что ли, фольгой.

«Когда бы знали чернокнижники...»

Когда бы знали чернокнижники,
что звезд летучих в мире нет
(есть только бедные булыжники,
куски распавшихся планет),

и знай алхимики прохладные,
что ртуть – зеркальна и быстра —
сестра не золоту, а кадмию,
и цинку тусклому сестра —

безликая, но многоокая —
фонарь качнулся и погас.
Неправда, что печаль высокая
облагораживает нас,

обидно, что в могиле взорванной
одни среди родных равнин

лежат и раб необразованный,
и просвещенный гражданин —

дух, царствуя, о том ни слова
не скажет, отдавая в рост
свой свет. И ночь исполосована
следами падающих звезд.

«Ты помнишь морозный узор на стекле...»

Ты помнишь морозный узор на стекле
в подвальном гнезде, в молодом феврале,
и солнце, и рамы двойные?
Я помню узор на морозном стекле,
подвальное утро, на старом столе
салфетки – должно быть, льняные.
Гниет, истончается чистая ткань —
как если бы инь ополчился на ян,
(смотри, говорят, не заляпай!)
с мережкой из заиндевелых ветвей,
и в клетке страдает большой воробей —
печальный, со сломанной лапой,
спускайся, мой лирник, в обитель теней.
Светает. В последнее время длинней
и дни, и – особенно – ночи.
Беги за иголочкою, мулине.
Понять и простить. Беглый свет на стене,
как Господа быстрые очи.

«Хочется спать, как хочется жить...»

Хочется спать, как хочется жить,
перед огнем сидеть,
чай обжигающий молча пить,
в чьи-то глаза глядеть.

Хочется жить, как хочется спать,
баловаться вином,
книжку рифмованную читать,
сидя перед огнем.

Пламя трещит, как трещит орех.
Лед на изнанке лет.
Вечной дремоты бояться грех,
и унывать не след,

Грецкий орех, и орех лесной.
Пламя мое, тайком
поговори, потрещи со мной
огненным языком,

поговори, а потом остынь,
пусть наступает мгла,
и за углом, как звезда-полынь,
зимняя ночь бела.

Инна ИОХВИДОВИЧ / Штутгарт /

Родилась в Харькове. Окончила Литературный институт им. Горького. Прозаик, эссеист, литературный критик. Публикации в литературных сборниках, альманахах, и пр. Победитель и финалист различных литературных конкурсов. Лауреат международной премии «Вольный стрелок: серебряная пуля» издательства Franc-tireur USA. Живет в Штутгарте (Германия).

Встреча

В родном городе Ольгу никто не встречал. Она так захотела сама, решила остановиться не у знакомых, а в гостинице.

Вышла из здания аэровокзала, собираясь пройти к остановке такси.

«За четверть века мало что изменилось, – констатировала она, – разве, нищих не гоняют». Ольга раскрыла кошелек, чтобы подать милостыню, как когда-то учила бабушка: «Христа ради».

Подошла к неподвижно сидевшему нищему, и слегка наклонилась, чтобы кинуть в его пропотевшую изнутри, тубетейку. Сам же он, в кепке, низко нахлобученной на лоб, так что лица его не было видно, наверное, дремал. Рука недвижно лежала на колене, и Ольга вдруг вздрогнула, по ней словно бы электроразряд прошел!

В такси до нее внезапно дошло.

– Пожалуйста, поверните назад, к аэропорту!

Когда они подъехали, нищего не было, будто бы и след его простыл. Ольга вздохнула, примерещится же всякое, как увидела возвращавшегося его. Это был, пусть и неузнаваемый сразу, но он, возлюбленный, бросивший ее. Он, Вовка Крапивин. Он не был прежним, мужественно-мускулистым парнем, по которому вздыхали когда-то многие девушки. А уж она-то – больше других. Сейчас загорело-морщинистое лицо ничем не напоминало о юношески-четких чертах, и наверняка, кроме нее никто бы не узнал его.

Когда он приблизился к ней, она на выдохе произнесла: «Вовка, ты!» Он, будто не слыша, продолжил свой путь. Тогда Ольга закричала: «Крапивин, что ты притворяешься? Ты что, не слышишь меня?» Мужчина остановился. Осмотрел всю ее стройно-девичью фигуру в холщовом брючном костюме, неузнаваемо скользнул по лицу и ответил: «Если вы ко мне, то обознались». Он говорил еще, а она не вслушивалась в смысл произнесенного, только наслаждалась его, крапивинской легкой шепелявостью, знакомыми интонациями, голосом, что подчас слышался ей во снах...

– Вовка, – наконец отчаянно закричала она, – я – Оля! Твоя «Девочка с котенком»!

Там, на самом вершуре дерева котенок не мяукал жалобно, и не визжал, а как-то безнадежно постанывал. Беспомощная Оля ничего поделывать не могла. Попытки подняться по гладкому, будто отполированному, будто лаком вскрытому, стволу оказались безуспешны. И вот тогда, неведь откуда, явился Он. Заскользил по дереву, скрылся в листьях кроны... и вот уже стоял перед ней с котенком, спокойно лежавшим в его больших ладонях. Так она встретилась с Вовкой, со своим Героем...

С самого отрочества, Оля была влюблена в Вовку Крапивина. Он не был признанным красавцем, как Владик Батурин в школе, не был сильным, как Серёжка Рогачёв, из их двора, но представлялся ей самым-самым, настоящим мужчиной, предназначенным ей, как Марк Антоний Клеопатре. И, одновременно недостижимым, на несколько лет старше он встречался с красивыми девушками, что с обожанием взирали на него. Оля завидовала им, она могла лишь украдкой смотреть на него, во время случайных встреч.

Они начали встречаться, он ласково называл ее: «Моя девочка с котенком». Он стал ее мужчиной и принимал ее восхищение, граничившее чуть ли не с поклонением! Ну, что с того, что с ним не узнала она радости телесных утех, о которых говорили девчонки, думала Оля, она не разочаровалась в нем, она любила его и радовалась, что ему хорошо!

Почувствовав себя беременной, не обрадовалась этому, но и не огорчилась. Решать было ему. А он рассердился на нее!

– Ты что, с ума сошла! Мне идти служить в осенний призыв!

С тех пор как узнал он об Олиной беременности, то превратился в ч у ж о г о, будто бы опротивела она ему... О близости речи не было, он ни разу не то, чтобы не поцеловал ее, но даже не дотронулся, словно бы брезговал... Вынести его отчуждение было невозможно.

Олины родители были на даче, когда она пошла в ночное дежурство врача-гинеколога, какого-то знакомого знакомых, на аборт.

Наутро, изможденная, без кровинки в лице, из будки с телефоном-автоматом, она вызвала его. Увидев издали, затрепетала, и кошмаром привиделось, то, что произошло в клинике ночью, и хоть болело тело, душу затопила нежность...

– Вовка! – кинулась к нему она, – я все сделала, как ты хотел. У меня, у нас, не будет ребенка, – униженно-виновато глядя в глаза ему, комкая слова, говорила она.

– Кто тебе сказал, чего я хочу или не хочу?! – он, не пытаясь сдерживать свою ярость.

– Володечка, я же для тебя, ведь я, я тебя... – Не успела она сказать самое важное, самое главное слово, как увидела спину Володечки, уходившего от нее...

Хлопнула за ним дверь подъезда и осталась Ольга одна. «Навсегда», – ухнуло, придавливая собою, тяжелым металлом внутри, слово.

В тот вечер Ольга впервые закурила, и до утра искурила две пачки сигарет.

Однако, оказалось, несмотря на то, что было тягостно, пусто, тошно и противно – жизнь продолжалась!

Окончив школу, поступила в институт на архитектурный. И увлечения появились. Мужчины, многие, нравились ей, да и близость с ними была медово-сладостной, «освобождение» тела, «облегчение» его, возносило на пик наслаждения. Познала она плотские радости. И ее не удивляло, что не связаны они с чувством к определенному мужчине.

Не было только единственного, при одном виде которого замирало сердце, подгибались колени, появлялось странное чувство неощущения с е б я, растворения в нем, совершенного счастья, когда глаза видели и насмотреться не могли на н е н а г л я д н о г о, уши не могли послушаться голоса его, держать бы всю жизнь, не выпускать руки его, целовать ладонь, перебирать пальцы... Но знала она – ладонь его, лицо его, все тело его, сам он – осталось там, куда не вернуться, в прошлом...

Еще студенткой, отдыхая на Крите, познакомилась Ольга с Вернером, немцем из ФРГ, тоже архитектором, и вышла за него замуж. Бюргерски-упорядоченное существование успокоило, утихомирило Ольгу: после замужества ее перестали мучить приступы тоски. Открыли они с мужем собственное архитектурное бюро. Бизнес был прибыльным, в разных городах стали принадлежать им целые микрорайоны.

Детьми, правда, не обзавелись. У Ольги после давнего аборта было, так называемое «вторичное бесплодие». Вернер к детям был равнодушен, и его устраивал «открытый», незащищенный секс. Кроме секса, Вернер любил также футбол и светлое пиво. Ольга даже вывела «формулу» для мужа, глядя, как читает он ежедневный «Бильд» и потягивает пиво. «Вместо трех «К» – «киндер, кюхе, кирхе» у тебя три «Б»: «Банк, «Бильд», Бир» – посмеивалась она. Вернер смеялся вместе с ней. Супружеская чета жила в ладу, подчиняясь календарю: отметив Рождество, летели в тепло, на острова в океане; в Пасху, в Ватикане слушали послание Папы «Urbi et Orbi» (Вернер считал себя практикующим католиком); Троицкие каникулы, проводили на Лазурном берегу, в отпуск пускались в плавание на яхте...

Ольге этот стиль жизни импонировал – нескучно. Правда, была у нее одна странность: любимой Олиной картиной была «Дама с горностаем» Леонардо да Винчи. Она могла смотреть на картину и в музее, и в альбоме – часами. Семнадцатилетняя девушка Чечилия Галлерани на портрете была возлюбленной миланского герцога Сфорца. Леонардо написал ее еще любимой, еще не п р е д а н н о й мужчиной. Иногда Ольге чудилось, что на картине она сама, с котенком на руках. Она пугалась и говорила себе, что картина ее сведет с ума, что необходимо перестать

медитировать над нею. На какое-то время она забывала о ней, но всегда возвращалась к ее созерцанию...

В России оказались у них с Вернером совместные проекты с российскими архитекторами. После переговоров в Москве Ольга вдруг решила навестить на родину. Зачем, она и сама не знала, у нее там родных не осталось, так, какие-то знакомые. Но летела со смутной надеждой – на что? Конечно же, не на то, чтобы встретить своего Единственного, подавая ему милостыню...

Он смотрел на нее, то признавая, то нет... И Ольга, не выдержав, скомандовала
– Поехали!

Таксист конечно же был недоволен, когда грязнучий бомж усаживался на заднее сиденье, да спорить со своей богатой, (этих он чуял), пассажиркой, не стал.

«Дорогая штучка, сучонка заграничная, блядь эдакая, тухлятинки тебе нашей захотелось...» – искоса поглядывал на иностранку, бегло говорившую по-русски.

В отеле, где Ольга забронировала апартаменты, ее спутником были недовольны также. Но промолчали, им же валюта перепала.

– Володь, давай я тебя помою, – просто, будто произносила это десятилетиями, предложила она.

Она омывала его тело, легко касаясь губкой безобразящих рубцов, выпуклостей шрамов, и не сдержавшись, прижалась щекой к мокрой спине. И в тишине, услышала, как негромко плачет он.

Почувствовала, как слезы покатались и у нее по щекам. Не успела удивиться, наверное, больше двадцати пяти лет, как не плакала, так что иногда ей чудилось, что она забыла к а к это бывает...

Потом они лежали на чистых, пусть и казенных, простынях, она держала его руку, и блаженно улыбалась, так бы пролежать до самой смерти или... умереть сейчас...

– Помнишь, как я пришла к тебе в последний раз?

– Если честно, – в сгущавшихся сумерках, лицо его было почти таким же, как тогда, узнаваемо-любимым, – честно, – повторил он, – плохо помню.

Она заволновалась, переживая.

– Я не успела досказать, договорить, того, что не говорила никогда, – сбиваясь, зашепила, забормотала она, – так я теперь скажу: Я тебя люблю!

Он закрыл обеими руками лицо и глухо произнес:

– Это невозможно!

– Почему невозможно?

– Потому... – запнулся он, – я больше не мужик, понимаешь, я – импотент!

– Вовка, милый мой, любимый мой, единственный мой, – едва прикасалась губами она к лицу его, тоже испещренному шрамами, – я же не говорю с тобой о трахе. Кончить, получить удовлетворение можно просто, а в нынешнем мире особенно! Есть множество всякого, что помогает женщине кончить и не раз. Я ж не об этом. Я люблю тебя, хороший мой, люблю! Я жить не могу без тебя, я не жила все эти десятилетия. Это я только сейчас поняла. Я хочу быть с тобой и любить тебя.

– Как?

– Как? – счастливо разулыбалась Ольга – Был один немецкий мыслитель – Отто Вейнинггер, много всякого написавший, в том числе и чепухи. Но он сказал то, что чувствую и я, что «любовь, настоящая любовь может быть только платонической!»

– Ольга, я ничего не понимаю!

– И не надо ничего понимать, любимый, я тебе понемногу – днями, месяцами, годами, до конца жизни буду объяснять, объяснять, объяснять...

Всю ночь проговорили они, не перебивая, а вслушиваясь друг в друга. Он о своей службе в армии, о дедовщине, о драках и издевательствах, о том, как пришлось ему на «воле», после дембеля; о женщине, на которой женился, о неудавшейся семье, о том, из-за чего и как случилась его мужская немощь; о собственной слабости и глупости, о разного рода жизненных недоразумениях, ставших роковыми, вытолкнувших его на улицу, под открытое небо... Она о своем, наполненном работой, сексом и путешествиями заграничном существовании, в котором не было места чувствам...

Сон сморил его мгновенно. А она смотрела на него и насмотреться не могла, и поверить не могла, что судьба вновь столкнула их. И это уж случайностью быть не могло, вправду: «суженого на коне не объедешь». «А меня ж самолет доставил прямиком к тебе», – не размыкая губ, говорила она ему.

Утром увидела его тибетейку, лежавшую на полу. Поднялась с кровати, подошла, подняла ее и неожиданно для себя уткнулась лицом в родной его запах. Ведь сколько ж лет, перечитывая Бунинскую «Русю», волновалась она, читая концовку рассказа, когда влюбленная девушка говорила: «А я так люблю тебя теперь, что мне ничего милее даже вот этого запаха твоего картуза, запаха твоей головы...» Множество раз перефразировала она последнюю латинскую фразу рассказа, на русском звучащую: «Возлюбленный мною, как никакой другой возлюблен не будет».

...Ничего не понимавший Вернер только качал головой и говорил, что его чувствительной жене вредно читать русскую литературу.

Виталий АМУРСКИЙ / Париж /

Родился в Москве в 1944 году. Профессиональный журналист и литератор. Живет во Франции с 1973 года, более четверти века проработал в русской редакции Международного французского радио. Автор десяти книг и многочисленных публикаций в периодике, а также журналах и альманахах, как за рубежом, так и в России.

«Не о безумной Северной Корее...»

Не о безумной Северной Корее
И не о том, как Сирия горит, —
О чем-нибудь совсем другом, скорее,
Хотел бы я сейчас поговорить.

Допустим, о парижском листопаде,
О смоге, что над городом навис,
О старике, что просит Христа ради
У приоткрытой двери в Сен-Сюльпис.

О том, как сердцем слившись с гулким храмом,
Там можно без труда забыть про то,
Что есть Москва с ее курбан-байрамом,
А на Донбассе зона АТО...

Но проходя по улицам знакомым,
Где вроде бы привычно все глазам,
Я чувствую, как прочно с веком скован, —
С тем самым, что, увы, непрочен сам.

«Когда дверь в чьей-то хате вышиблена...»

Борису Клименко

Когда дверь в чьей-то хате вышиблена
И шатается в ней сквозняк,
Горек вид занавесок с вышивками,
Что колышутся на гвоздях.

Нет порою в жизни отдушин,
А душа в сплошных синяках, —
Только все это, Боря, одожим,
Ибо иначе нам никак.

И у киевского Владимира
Нас одарит покоем та, —
Дорогая мне, а тебе – родимая, —
Приднепровская красота.

Памяти Германа Плисецкого

1. Трубная площадь

Восточными словами, как урюком,
Подслащивал поэт свой пресный быт,
А проходя по Трубной, слышал – в люках
Река Неглинка, спрятавшись, бурлит.

И сквозь чугун в оставленные щели,
Казалось, шепчет темная вода
О дне, когда прощавшихся с Кашеем,
Здесь поджидала страшная беда.

Над городом печаль в гудках басыла,
Летя от стен Кремля на Колыму...
Но девочкою лет шести Россия
Надолго в память врезалась ему.

Слепая и губительная сила,
Что двигалась от Сретенских ворот,
Ее водоворотом уносила, —
Водоворотом, звавшимся – народ.

В Колонном зале, в пальцах комкав шапки
И не стесняясь набегавших слез,
У пьедестала с гробом шагом шатким
Свою беду и боль поток тот нес.

Слиянием мистерии и яви
В прикрытых крепом люстрах свет не гас,
Но даже если розы там не вяли,
То стража их меняла каждый час.

А с Трубной кровь уже смывали чью-то,
Следы беды сметали поскорей,
И мартовские ветры дули люто
Меж траурных столичных фонарей.

2. На полях книги «От Омара Хайяма до Экклезиаста»

Не глазами, но сердцем
Строк касаюсь печальных —
Тех, что Герман Плисецкий
Не сумел напечатать.

Ах, стихи из архива
Среди записей личных —
Будто ветер охрипший
В подворотнях столичных

Лет простуженных, серых
От печалей и пыли,
Где по-своему все мы
Гнетом мечены были.

Сколько душ там сломалось,
Что казались – из стали!
Но остались слова ведь,
Пусть в тени, но остались.

Кунцевская ель, Или как однажды с друзьями я побывал у «второй дачи» Сталина

Гнездо диктатора в Кунцево.
Притихшие разговоры.
Кусочек империи куцый
За темным глухим забором.

Хозяин давно сменился
И кто там сейчас – бог ведает.
Спросить бы воды, извинившись,
Но лучше, конечно, без этого.

Вдали силуэт охранника,
Собачий лай голосистый,
Казалось, что-то отравлено
На этой земле российской.

Природа летняя властвовала
С завидным упорством воина,
О генерале Власике
Подумалось мне невольно.

Случайно ли все еще помнится
Средь зелени той сочно-рьяной
Засохшая ель – покойница,
Осыпавшаяся, но упрямая.

По поводу открытия памятника Ивану Четвертому в Орле

Тоска по опрочнине. Грозный,
Малюте Скуратову честь...
О дух этот, схожий с гриппозным,
Амбиций гремучая смесь.

Язык был мне верной опорой,
И в стужи грел словно очаг,
Но что ж говорить на котором
Приличнее нынче молчать.

14 октября 2016 года

Будапештский блокнот (Сентябрь, 2017)

Будапешт

Не для ума, скорее, а для сердца —
Листвы сентябрьской золотистый фон
И дней стручки, что сродны связкам перца,
И волн дунайских вечный марафон.

А я, подспудной памятью ведомый,
Здесь словно погружаюсь в прошлый век,
Где пылью – пятьдесят шестой, бедовый,
И незабвенной тенью – Валленберг.

Гостиница «Леонардо», № 548

Окно гостиничного номера
Выходит в сквер, где зелень старая
Упорно не меняет колера —
Желтеть, как будто, не пристало ей.

Но ветер с северо-востока
Упрямо треплет листьев кружево
И разбивает на осколки
Дорожки, залитые лужами.

В такое время, право, надо бы
Быть мастером перед подрамником,
Чтоб краски на холсте, как ягоды,
Взяв мастихин, слегка подравнивать.

Размышления на скамейке в районе улицы Вацци

1

Ах, сколько минуло годков,

Порой несчастных...

Дружище, Юра Холодков,
Где же сейчас ты?

В венгерской жизни суету
От скуки отчей
Бежать хотел. Сейчас я тут
С тобой – заочно.

Луна двояка нынче (так
Бывает в море) —
То полустершийся пятак,
То форинт.

2

Ты говорил, что падежей тут двадцать семь,

Ошибочно накинув пару лишних,

Что не было помехой, ведь гусей

Пасти бы мог, с пейзажем здешним слившись.
И, позабыв московской речи вздор,

Не только откровенный – даже отзвук,
Как сыр овечий, резал бы простор,
И пил бы, как вино, мадьярский воздух.

Как жаль, что нам не встретиться теперь —
Поворошить времен минувших ветошь,
Потолковать о горечи потерь
И помянуть друзей, которых нет уж.

Под сводами базилики Святого Иштвана

Пели в храме, где служилась месса,
Ну, а я душой, как будто в брешь,
Улетел, услышав вдруг Бернеса —
О солдате, бравшем Будапешт.

Вспомнил патефона синий ящик,
Черную пластинку под иглой...
Вспомнил то, что было настоящим,
Не покрытым патиной и мглой.

По весне и яблони, и вишни
Там цвели у изб и у дорог —
Это я о тех, что здешний Иштван
Знать не знал, и знать, увы, не мог.

Меченые годы

45-й? Все, как будто, просто:
«Смерть фашистам!», «Гитлеру капут!»...
Это 56-й вопросом:
Почему тогда мы были тут?

Безутешная музыка

Осень снова такая,
Что забыл я почти.
Воздух терпче токая
Из ближайшей корчмы.

Вечер стелется сизый —
Пустота и тоска,
Даже птиц на карнизах
Взгляду не отыскать.

Лишь рекламы цветные
Приглашают к вину...
Роже Шереша¹ ныне
В самый раз помянуть.

О, печаль Будапешта,
Все ж светла твоя явь,

¹ Венгерский пианист Реже Шереш (1889–1968) вошел в музыкальную историю как автор «Венгерской песни самоубийц», в версии на английском языке – «Gloomy Sunday», в русскоязычном варианте – «Мрачное воскресенье». Исполнялась она им самим в будапештском ресторане «Kispiro».

Где звучит безутешно
Его старый рояль.

Владимир ЗАГРЕБА / Париж /

«Писатель Загреба к тому же замечательный доктор, но не только. Он, я бы сказал, патологоанатом человеческой души. Своим пером он проникает в такие глубины человеческого духа, куда никогда не проникнет ланцет хирурга». (Алексей Хвостенко) «Книга Загребы целиком остраненная. Ее читать хочется, и она дочитывается до конца, несмотря на массу непонятного с первого взгляда, требующего остановиться и расшифровывать. Энергия автора переливается в читателя, минуя “понимание” и дразня его любопытство. Загреба ироничен, как Свифт, текуч, как Джойс, ностальгичен, как Пруст...» (Николай Боков)

Летающий верблюд Отрывок

А эта Коко, кокотка – балансегина соперница была тоже ничего себе... Дамочка что надо... вся «соткана» из сплошных противоречий и поисков. Да и кто такая Коко? Кокотка – да, и не Сосо вовсе, а Gabrielle, Bonheur, Chanel. С самого первого дня рождения ей сразу улыбнулось счастье, хотя бы потому, что ее второе имя, после (*простите*) скрипучего первого – «Gabrielle» к этому располагало, было помягче и обнадеживало. Оно переводилось на русский язык сходу, просто: «Bonheur» – счастье без экивоков и претензий. И действительно, в 1910-м было много счастья, и длинноногая мадемуазель – Габриэль Счастье Шанель весело и, похоже, тоже без этих, задирала свои молодые двадцатисемилетние ноги в кабаке и «ре»: «Le sein dressé»² – в городе-санатории Виши, на улице «Спустившейся лямки» – где все, как в Железноводске, у этих присевших зачем-то на скалы орлов, ходили на водопой с кружками, а не с опущенными лямками лифчиков, и куда чуть позже на воды, и тоже на это... приехал будущий герой – маршал Петэн со своими петэновскими министрами – не героями, но тоже – абсолютно законченными... и где родилась тоже одна француженка, которая сделала много хорошего одному русскому... Но в десятом году про это еще никто ничего не знал, и веселая толпа каждый вечер, в девять часов, грудью напирала в медные двери заведения – кабаре, которые тоже железно подтверждали эту выдуманную природой вывеску: на каждом медном листе филенки горельефные медные стоячие груди крепким соском, а не словом, крепко держали всеобщий интерес, перекладину-поручень с надписью: «Ломитесь, господа-месье, милости просим». И ломитесь! Лейтенант Carrel, французский красавец, кавалерийский офицер в сером габардиновом мундире с широкими накладными карманами, с золоченой накладной шпалой на левом плече, с серебряными шпорами и в кавалерийских штанах, фасон которых впоследствии делал (*отдавал?*) честь самому генералу Galliffet (*тому, который кроме этих надутых лошадиных штанов отличился на Малахово-Мамахово-Мамаевом... (с этой стороны) при штурме... в девятом году тоже был le maotre tailleur millitair* – мужским военным портным, дело «шил» Дрейфусу, в *Генштабе*), тоже штурмовал как и все, тоже ломился-томился в медную, в «стоячую»... В тот вечер Шанель Габриэль в дымном угаре дешевых сигар: «Le Boa»³, как всегда задирала ноги и, кутаясь в какую-то длинную штуку такого же змеевидного предназначения, то есть в подержанный, зачем-то выкрашенный в желтопалевый цвет мех-смех-лисицу, пела под разбитое корыто-пианино «Dodi» любимую вишистской вечерней публикой песенку, еще без налета коллабосионизма (*колабрюонизма?*) (*несколько фривольных куплетов*), напоминающую нашу: «У попа была собакой. У попа были с собакой», но более осмысленную и менее кровожадную:

Коко любила в черном фраке
себя подать, как кость собаке,
Теперь собака-рококо
Как надо лижет «кость» – Коко...

Зал охнул, затопал, засвистел, а лейтенант с золотой «шпалой» на плече, гремя саблей от счастья, ринулся прямо на сцену, поднял Габриэль на руки и бросил в лицо... (*в усы, в дым, в темноту?*) этой обалделой, в основном мужской аудитории: «Кто ищет, тот всегда

² «Стоячая (стоящая?) титька»?..

³ Боа – змея, надо полагать...

найдет!..» По-гвардейски решив эту «костную» проблему (*нашел-таки свою косточку*) Beau Carpel (*прекрасный – так говорят источники*), вскочил в проезжавший мимо фиакр со своими роковыми и «рококовыми» ножками. Так началась настоящая конногвардейская любовь – «cantonnement» Сосо Chanel и красавца-офицера, как позже выяснилось. Медовый месяц длился шесть лет. И вдруг прекрасная и такая веселая и весенняя кавалерийская «carpel» неожиданно прекратилась в Deauville, оборвалась в марте, в городе, где холодный Атлантический океан своими приливами и отливами подступает прямо с вилами, подъезжает «Вилиссом» к подъездам шикарных дач и загородных вилл. Блестящий «Le commandant», в 16-ом, в среду, в 10.30, в последний раз на кухне звякнул шпорами и саблей, обнял свою Bonheur, пожелал ей счастья и сел в новый, единственный и серебристый «Rolls-Royce» генштаба, с зеленым номером «Т-2» и с огромными слегка приглушенными ацетиленовыми фарами... Квакнула каучукгруша на левой дверце. Родина позвала. Тришард? Мата Хари? (*Эту позвала не Родина, а Вадик... Souslieutenant Bruno из французской секретной службы, при обыске Мата Хари поднял рукой в черной кожаной перчатке, не пинцетом, пару серых шерстяных носков, с вышитыми на них красным: «Вадик – Маточка» и с открыткой, засунутой в карман фартука «Сульц» и приготовленной для отправки (пакет секретный?.. Вещдок!..): «Никогда не забуду тебя, мой любимый Вадик и особенно эти три дня в Vittel». Sous-lieutenant вздрогнул от счастья и начал поиски, которые привели его в первую дивизию экспедиционного корпуса, к русскому капитану Вадиму Маслову, который лежал на кровати в хромовых сапогах и играл сам с собой в преферанс. Тут-то бы и взять его тепленького, в сапогах, как сообщника... Но капитана в Шампани осколком – далеко не бутылочным, от «малой Берты» шарахнуло. Но он все-таки сообразил, кто, откуда, сбросил карты на грязный пол и прямо тут же на койке накатал следователю признание по-французски, в «третий» отдел – четыре строчки: «Да, были связи, господин следователь, с балериной-барышней, но так... поверхностные, только для поддержания пошатнувшегося офицерского здоровья: “Vittel” в пол-литровых пиле...» Vive la France! «Маточку» без лампадки (герцогу Энгиемскому на шею лампадку привязали, чтоб лучшие сердечное... десятку видеть...) в Венсенском лесу, куда сейчас из Булонского переместились все девочки-проститутки, через месяц в расход пустили – в лесок вывели, а Вадик в Шампани шампанью отлежался-отмучился и, приехав на родину, сразу же почему-то по(д)стригся... Зарос? Христос Возрос? Но не Ветров. Этого подстригли тоже чуть позже, но у него почему-то не получилось...)* Через два года немцы отловили дерзкого подполковника под Потсдамом, поставили к стенке, но никого не предал, не заложил герой, красавец, любовник. И только ефрейтор Hans Shtiblizhtucer, подбежав к еще теплому, к двухминутно-расстрелянному героическому телу (*по долгу – для констатации*), вдруг уловил какое-то странное движение губ: слово (?), вздох (?), пароль (?), вырвавшееся напоследок из опустевшего застенка честной шпионской души: «Кок»... (*Плюс наркотики?*). А конногвардейская Габриэль, поплакав несколько месяцев в пустой и темно-зеленый китель бывшего веселого подполковника, висевший на ржавом гвозде со шляпкой (*у начальника дома... ржавый гвоздь? Ну ладно, шляпка...*), решила пробиваться в жизни сама, теперь уже без шпионов – ржавых кавалеристов.

В Нормандии, ну, там где бродят эти здоровые эсалопо-белые «муму», она открыла свой первый салон «La bricole»⁴ таких неожиданных и запоминающихся дамских шляпок. О, как все это было прелестно и приятно. Сначала на головках отметились фрукты, потом – цветы (*овощей не было, но макароны на шляпках были, честное слово, сам видел*), затем – вуали и, наконец, перья желтые, красные, синие. Длинношее шейки, держащие все это... совершенно изнемогали от восторга. Теперь уже женщины своей китово-корсетной (*корсарной?*) грудью ломились в ателье к Сосо, как пятнадцать лет до этого вишиские (еще не *фашистские*) муж-

⁴ Мелочь... пустячок.

чины – в «стоячую»... на улице этой «лямки»-мамки, для своих же прохожих-жильцов как бы нарочно (*порочно?*) приспущенную. А дальше – больше... Уже через два года широко раздвинутые ноги этой эйфелево-железной и вызывающей, антиписательской, анти-мопассановой башни, с удовольствием приветствовали новое... свежее «rkt-a-porter»-овое (*кто там на готовенькое?*) дело-акцию (*плати и надевай!*) – новое ателье Coco Chanel (!) на правом берегу Сены. Закалка в «стоячей»... не прошла для «лежащей» Габриэли даром. Первым полетел в корзину «corset a baleines»⁵ – от бедер и вверх, огромный и упругий, сделанный из китового уса (*смотри «Корсары и корсеты»*), вот бы подкрутить, крутануть, китоуснуть (*китокуснуть?*), который в течение ста лет поддерживал неустоявшие от этой напряженной личной жизни сорокалетние подержанные французские прелести...

К черту! Коко села за швейную машинку «Singer», которая на этом языке уже называлась «Санжер», и белые «надутые» воздушные блузки с ее помощью сами стали держать это прекрасное, но такое тяжелое, такое реальное и необузданное содержимое... Наконец-то настоящие французенки дожили до настоящей «исподней» французской революции! Теперь уже половина Парижа неслась сломя голову на rue Cambon, 19, где чуть позже в витринах появились черные изысканные вечерние вневременные платья (*хочешь – для него, сегодня вечером... хочешь – для себя, через 10 лет*); бежевые выходные туфельки с черными сатиновыми носками, незаметно удлиняющие ногу и заметно уменьшающие 44-й лошадиный размер копыта клиентки – золушки, не Золушки, черные, на толстой прокладке, «беременные» (*в прямом смысле*) вечерними театральными премьерами-тусовками, сумочки (*как и хозяйки?*) с двумя желтыми буквами «С», откровенно наложенными одна на другую (*дань отроотечеству*); реки искусственных камней под малахит, топаз, жемчуг, коралл, бирюзу (*каждой женщине на шею камень*), которые копировал для нее в Лувре и направлял в шанельные шальные стеклянные витрины молодой сицилийский аристократ-приятель Fulca di Verdura, такой еще молодой и зеленый, но уже такой бешеный любовник ди Фьюлко.

И с личной жизнью тоже стало лучше. Через пять лет бывшая мадам, а теперь – уже навсегда «мадмуазель», открыла в Париже несколько салонов мод с помощью герцога Вестминстерского, ну, не из этого аббатства, через дорогу, где квадратные часы, через канал – La Manche (*в некотором английском смысле тоже как бы герцог Chanel*), который совсем потерял от Коко голову и предложил альтруистично на открытия эти самые свои фунты-стерлинги, Габриэль деньги взяла, но с одним условием: меня ни-ни... ни пальцем, зато эти фунты, эти стерлинги отдам все, до пенни... (*слово-то какое!*).

За год в самом деле «напенилась» (*напенилопалась?..*) и отдала все. Бедный английский дюк, тюк – герцог с колен так и не смог подняться от счастья, и врут те, кто говорит, что лучше умереть стоя... А у Шанели, что ни день – новый любовник, что ни вечер – новый дыхатель и вздыхатель тоже, а, значит, утром опять не добудиться.

А про то, что вся парижская богема – братья и сестры – одна семья, правильно сказал, товарищ... так оно и было: Пикассо, Лифарь, Сутин, Шагал, Соня Делонэ (*не Вадик*), Мария Ларенсен, Дягилев и этот, настоящий мужчина с вечно дымящейся, огромной кубинской... (*кубинской? какой же номер?*) и с кулаками боксера, с того... Света, ну этот, по ком звонит колокол... Дали и, конечно же, стоящий на пуантах, не у пивной стойки и не у Сережи Юрьенена, в нижнем... – Неженский (*дягилевская неженка, нежинка?*)... Пирушки-выставки, концерты-застолья... Уже никто не считал пустых ящиков из-под выпитого шампусика... И тут вдруг накатила несчастьем вторая мировая, которая сразу подмяла под себя первую и уже на все готовую, мадемуазель Габриэль, настоящее шинельное тоже самое...

Звонок вызывающе звякнул, и высокий немецкий захватчик (*зачем лгать*) в черном кожаном пальто с серебряными витыми погонами, на котором дождевые капли расплывались с

⁵ «Китовый корсет», не для дам – китов.

холодным и циничным удовольствием победителей, толкнул тяжелые зеркальные двери, вошел в салон. Неожиданно снял фуражку с высокой, несколько нагловатой тульей. Курносая Маша, мадемуазель Durilco, серая «мышка», в застегнутом на все пуговицы сером платъице, стояла на стремянке (*опять пугающие высоты*) и на третьей полке шуршала, переставляла коробки с довоенно-капризными необязательными и духами и военно-полевыми обязательными одеколонами.

– Monsieur?

– Mademoiselle, pouvez vous me dñicher un certain flacon de parfum dans lequel on peut trouver certaines substances, par exemple: ilang-ilang, nйroli, jasmin de Grasse, santal de Mysore, vetiver, bourbon⁶...

– А при чем тут виски?

– Bitte, – он по-граждански улыбнулся, – то есть... Pardon et merci...⁷

Курносая дура Durilco с провинциальными пуговицами, ошалев от неожиданной тирады, сначала остолбенела, а затем кинулась по коридору в глубину за интеллектуальной подмогой.

– Мадмуазель, там какой-то шванц что-то на нашем языке шпацует...

Коко внутренне подтянулась... екнуло ведевилным предчувствием сердце. И быстро вышла в салон.

– Herr Hauptman⁸, хотите «Prends – moi»⁹, – она машинально взяла с полки зеленую коробку с золотым ободом-обрезом и с зеленым многообещающим бантом. – Мне бы хотелось, все-таки, «Jasmin de Grasse» и «Pang-ilang», madame.

Обидел женщину, женись...

– Mademoiselle.

Не захотел?.. Со мной все ясно...

– Ах, это, пожалуйста. «Chanel» номер пять... Сто тридцать три...

Серебряника?..

Любовь с первого взгляда? Отягощенная кавалерами, кавалеристами наследственность? Сердцу – не прикажешь, господа офицеры... Спасибо, что не гестапо. Конечно же, Габриэли еще далеко было до своих приятельниц-товарок, в сорок пятом году представших по обвинению в «интимных связях с врагом». «Девочки» отвечали вызывающе-дерзко и остроумно растерянному прокурору (*который чувствовал себя неловко, ибо еще два тому месяца сам выпал из гнезда вишистского*), «le procureur-epurateur» – нет, что вы, не прокуратору Иудеи. Общественный французский обвинитель-«победитель»(?) поправил тяжелые двухфокусные очки и от имени комитета по очистке национальной совести от разного женского «хлама» (*хламиномонда?.. хламиномонада?..*), отбросов этой нелегкой военной пятилетки, вздохнул и хрипнул в зал:

– Мадемуазель Сесиль Сорель! Вы, лучшая актриса Франции, мадемуазель-витрина «La Comédie Française»¹⁰ вскинула плечики и врезала по комитету:», наша гордость и настоящая театральная «звезда». В Америке только о ваших бедрах и говорят. Как же вы могли сфотографироваться вместе с двумястами «бошами»?

Мадам Сорель

– Не надо было впускать их в Париж!

⁶ Мадмуазель, можете ли вы мне отыскать флакон, в котором бы находились следующие субстанции: иланг-иланг, эфирное масло из цветов померанца, жасмин из Грасса, сантал из Мизора, ветивер, бурбон...

⁷ Пожалуйста (нем.). Извините и спасибо (фр.).

⁸ Капитан (нем.).

⁹ «Возьми меня».

¹⁰ «la Comédie Française» – для французов то же, что для русских институция (*конституция?..*), просто... туция.

А ее близкая подруга актриса Arletty – la citoyenne Bathiat¹¹, тоже всемирная... и тоже с остро отточенным всемерным, как финка, язычком... «атмосфера»¹²... «Les enfants du Paradis», «Le grand jeu», «Madame Sans-Гкне», «Hôtel du Nord»¹³, тоже как могла поддержала тему крылатой фразой-подарком ее приятеля-драматурга Henri Jeanson-а, которую до сих пор повторяет и помнит вся эта безалаберная сторона-интеллигенция:

– Мое сердце – французское, а моя задница – интернациональная!

«Мариинский» – фильма «Дети райка», которую любят повторять французы.

Collabo-прокурор-прокуратор сморщился, задохнулся, нервно поправил белый шарфик с четырьмя ничего непонимающими, болтающимися кроличьими (*выкрашенные под соболя*) лапками, и обе дамы – красотки, под(д)ержанные врагом, отправились прямо из дворца с весами (*Торговли? Правосудия?*) на несколько лет в тюрьму «Fleury-Mérogis». C'est la vie! Смутное время, смутные судьбы... Коко защищалась не так вызывающе, более сдержанно. Высокой нотой?.. Интернациональной дружбой? И «очистительный» комитет просто отмазал, очистил эту «Джулию-белошвейку» от «этапа», но все-таки в последующие десять лет она просто выпала из активной портняжной жизни, ушла на дно, затаилась в низших слоях высшего общества.

А это – «Ах, это», с которого началось это военное... действительно «ахнуло», началось гораздо раньше – в 1921-м. Так уж повелось, что около Габриэли всегда крутились хорошие ребята (*за исключением упомянутого молодого капитана-оккупанта... правда, там еще вдруг один военный моряк «замаячил», со Шпреи – адмирал Канарис*). В тот год многообещающий химик (*опять химическая тревога?*) Эрнест Прекрасный (*Ernest Beaux*) с безукоризненным пробором продавца недвижимости, который изучал долгие годы, прямо-таки вынюхивал какие-то летучие субстанции (*дан приказ ему на запах...*) – «альдегиды», предложил Шанели добавить в натуральные духи летучие, синтетические... которые резко сокращали «себестоимость продукта», как объяснил ей Эрнест-пробор.

Какой же я идиот! В 54-м году в средней школе № 368 на уроке химии наш лысый (*странно, что все неприятности и сюрпризы и там и тут почему-то связаны с таблицей Менделеева*) совсем в бесфокусных очках и без никаких проборов, только со шрамом, кривым рубцом над левой бровью, учитель Альдегад Василий Петрович напевал в течение трех недель одну и ту же странную фразу: «Наши гиды-альдегиды» (*странно, что не заложили... на три месяца раньше б...*), что-то там на столе смешивая.

Через неделю настырный Эрнест приволок десять разных флаконов – итог настоящего духовного семилетнего поиска. Удивленный носик мадемуазели остановился на пятом флаконе не потому, что он как-то особенно выделялся, альдегидел, а просто пятый номер всегда приносил Габриэли счастье. И первое мирное первомировое дефиле было назначено на 5-е мая, 5-й день, 5-й месяц. А куда теперь залить все это?.. Дефиле через месяц. Габи задумалась и заскочила на пять минут к Пабло (*к Пикассо, конечно, который всю жизнь дурачил всех, кого было можно и нельзя*), в этот ресторанчик «На, выкуси», но без фиги, разумеется, в семнадцатом районе, на rue «Cinq sous» (*на улице «Пятака», по-нашему*). Пабло, в красно-черной клетчатой рубашке, сидел и выкушивал, вкушивался в огромную паэлью, но это не помешало ему тут же, прямо на салфетке той же цены сделать эскиз будущего флакона черным карандашом «Reynolds». Несколько линий: какой-то стул, какой-то стол и на нем не совсем понятный квадрат какого-то флакона с треугольной пробкой. Герника? Неужели гениально? Сразу и не сообразишь. Но Шанель сообразила и сама дорисовала (?!), улучшила рисунок знаменитого не на всю «Ивановскую» – на весь «Пятак-Париж», испанца. Осталось только выдуть в Mirano

¹¹ Гражданка Батия.

¹² «Атмосфера, атмосфера...» – знаменитая фраза Арлетти из

¹³ «Дети райка», «Большая игра», «Мадам Бесцеремонная» «Северный вокзал».

и залить в Romainville (где, кстати, со своим штабом в шестнадцатом... в XIX-м... стоял Александр!), чем они и занялись вместе с очень экономным Эрнестом. Через месяц весь мир потерял голову от этого «пятого» демократического флакона-номера Шанели номер 5. Прав был Альдегад, великолукский русский учитель химии седьмого класса средней школы. Тоже предвидел, только несколько поздновато, лет через тридцать... А Габриэль и «пробор» оказались на недостижимой высоте – «Chanel» номер 5 теперь могла купить любая модистка и продавщица.

А тут и Norma (*Enorma!*) с рекламой подросла, правда, несколько неожиданно, ну, эта, Jane Baker, которую весь мир хорошо знал в лицо, хотя особенно хорошо ее знали в это (?) – двое: президент Джон Кеннеди и драматург Артур Миллер, поляк, еврей, американец, бывший муж этой Jane Baker – Marilyn Monroe. Вернее, трое (*а кто не муж?..*), особенно толстомордый брат «красавчика» Джона, Бобик, который ей в вену целый шприц барбитурика... (*название романа: «Барби-турик для Барби... или просто турик? дурик для ту-рика?»*) засадил иглу... И то верно «пу-пу-ри-турик», это, конечно – да... а вот записывать, что тот несет любовник (*министр юстиции*) во время или после... синей ручкой и в желтую тетрадку и прятать потом... это надо быть самолетчиком Эдиком Кузнецовым... Горизонтальная публицистика имеет свои вертикальные лимиты (*лимитчица?..*),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.